

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МОДУС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

ІДЕНТИЧНІСТЬ ЯК МОДУС ЛЮДСЬКОГО БУТТЯ

IDENTITY AS A MODUS OF HUMAN BEING

В статье анализируется проблема взаимообусловленности идентичности и экзистенции в контексте основополагающих концептов философского учения М. Хайдеггера – здесь-бытия (Dasein) и бытия-в-мире, со-бытия и со-здесь-бытия, бытия «я» и «кто», темы просёлка и возвращения.

Ключевые слова: экзистенция, идентичность, самость, субъект, «я», «кто», самотождественность, самобытие, другой, бытие-в-мире, здесь-бытие, событие, со-здесь-бытие.

В статті аналізується проблема взаємообумовленості ідентичності та екзистенції в контексті головних концептів філософського вчення М. Хайдеггера – тут-буття (Dasein) та буття-у-світі, спів-буття та спів-тут-буття, буття «я» та «хто», теми узбіччя й повернення.

Ключові слова: екзистенція, ідентичність, самість, суб'єкт, «я», «хто», самототожність, самобуття, інший, буття-в-світі, тут-буття, співбуття, спів-тут-буття.

The problem of mutual conditionality identity and existence in the content of basic concepts of M. Heidegger philosophy study – here-being (Dasein), being-in-the world, co-being and co-here-being, «I», being and «who» being, is this article.

Keywords: existence, identity, egoism, the subject, «I», «who», self-identity, self-being, another, being-in-the world, here-being, event, with-here-being.

Когда в критически обострённых ситуациях бытия глобально загнанного мира отчаиваешься в возможности мысленно постигнуть основания его разьединённости, объяснить причины непонимания с другими, найти наконец выход из фрагментарной несоединимости собственных поступков и мыслей, приходит на память аргумент К. Ясперса против ограниченности рационалистических объяснений бытия. «Этот предел ведёт меня к самому себе, туда, где я уже не прячусь за объективной точкой зрения, сводящейся к совокупности моих представлений; туда, где ни я сам, ни экзистенция другого не могут стать для меня объектами» [1, с. 28]. Смена ракурса миропонимания в

неклассической философии, предопределённая цивилизационной динамикой, способствовала переходу от классической позиции объективирующего разума к взгляду на мир и человека из глубин существования. Стало очевидным, что среди всего сущего человек единственный, в отличие от других живых существ, обладая экзистенцией, владеет способностью понимать бытие всякого сущего, обратив к себе вопрос о собственной духовной сути. И исходя из самопознания, получает перспективу выработать отношение к бытию другого сущего.

Одним из первых, кто в философии 20 века обратил внимание на тесную связь и взаимообусловленность экзистенции с идентичностью был М. Хайдеггер. Несмотря на то, что к понятию идентичности в своих работах он прибегает крайне редко, дискурс её как специфического способа человеческого бытия, ещё одного экзистенциала, скрыто, но явственно, присутствует в размышлениях М. Хайдеггера о бытии, сущем и истине бытия, о здесь-бытии (Dasein) и бытии-в-мире, со-бытии и со-здесь-бытии, несокрытости и просвете. Можно сказать, практически все неотъемлемые хайдеггеровскому миропониманию темы в подтексте сходятся на понимании идентичности в смысле онтологической категории, определяющей специфический модус человеческого бытия.

Рефлексия идентичности в работах М. Хайдеггера неотрывна от экзистенции. Экзистенция выступает условием идентичности – без существования не было бы человеческого полагания самого себя. «Если "Я" есть сущностная определенность присутствия, то она должна интерпретироваться экзистенциально», – отмечал М. Хайдеггер [3, с. 74]. Сначала присутствуя в мире – существуя, человек может себя обнаружить и раскрыть, спроектировать, направленно выстроить и реализовать. Человек как «здесьбытие» экзистирует. Далее, здесьбытие есть сущее, которое всякий раз есть «я» [5, с. 521-523]. Предшествуя идентичности, экзистенция совпадает с самоопределением человека, а его самоидентификация есть экзистированием с освещением внутренней сути. Человек существует всякий раз будучи «Я», и его бытие есть «его» бытием. Ибо экзистирующее «Я» владеет исходным «моим» в единстве неповторного, уникального («своехарактерного», «своебытного») и подобного («несвоехарактерного», «несвоебытного»). И именно как здесь-бытие, идентичность «я» становится условием устроенности бытия, бытием-в-мире, считал М. Хайдеггер. Идентичность становится отражением экзистирования в духовном мире человека, становясь очевидной через «просвет» (открытость-распахнутость бытия) [2, с. 199]. Как экзистенция, человек определим через идентичность, представая пред собой в духовной открытости собственного существования. «В этом способе бытия», – отмечал М. Хайдеггер, – «основан модус повседневного бытия самости, экспликация которого покажет то, что мы можем именовать "субъектом" повседневности,

человеком» [3, с. 72]. Идентичность нуждается в человеке, как своеобразной духовно открытой направляющей существования. В этом идентичность обнаруживает себя сущностной человеческой константой, обеспечивающей определённую меру его духовного постоянства при всей экзистенциальной изменчивости. Идентичность – хранительница духовности человеческого существования. Экзистенция же – хранитель человеческой идентичности: того сущностного, что даёт возможность его духовного самоопределения. Потому, по мысли М. Хайдеггера, более точно понимать экзистенцию усилием человека быть в своём существовании самим собой, умением достигнуть самотождественности проецированием на себя определённых возможностей.

Экзистенциально предопределённая, идентичность отличается собственно человеческим, гуманным наполнением, возникающим в бытийных взаимоотношениях. Само здесь-бытие человека как бытие в мире объясняется М. Хайдеггером, исходя из трёх моментов (мир, кто, бытие в...). И центральный среди которых – «кто» – существующая самость, субъект идентификации. «Присутствие есть сущее, которое есть всегда я сам, бытие всегда мое. Это определение указывает на онтологическое устройство, но и только. Оно содержит вместе с тем онтическое – хотя и вчерне – показание, что всякий раз одно Я есть это сущее, а не другие. Ответ на «кто» идет из самого Я, «субъекта», «самости». Кто – это то, что сквозь смену расположений и переживаний держится тождественным и соотносит себя притом с этой множественностью» [3, с. 73]. Идентичный «кто» и связывает здесь-бытие с со-и самобытием в единстве человеческого существования. А идентичность даёт возможность понять существование «кто» в мире через него самого и его отношение к миру, которое осуществляется в качестве «доверительной близости» человека к бытию.

Все события, происходящие во внутреннем мире человека («занятость своим миром», «расхождение в своём мире»), обретая форму «внутри-бытия», концентрируют содержание повседневного существования идентичного «кто». Многообразие способов существования внутри-бытия «кто» - мысленных отношений с предметным миром («дело с чем»), деятельного воздействия на него, изменений и подчинения его своим потребностям, познавательных и коммуникативных действий («обрабатывает что и ухаживает за чем, пользуется чем, расстаётся с чем и теряет что, предпринимает, осведомляется, выспрашивает, наблюдает, обсуждает, предназначает») [5, с. 522] наделяет человеческую идентичность неповторимым духовным многообразием. И значит, человек идентифицирует себя («здесьбытие обнаруживает «самого себя») [5, с. 523] в неповторимой «ктойности» своих деяний, ожиданий, предостережений в заботливо обустроенном им мире культуры. Потому идентичность – носитель способов одухотворённого, отмеченного заботой о

сущем деятельного бытия человека, имеющего внутреннюю наполненность «кто».

«Кто» и есть своего рода внутренним ответчиком того внешне очевидного «я», «субъекта», «самости». Этот «кто» - внутренне неповторимое духовное существо человека. Именно он, духовный концентрат уникальности, сохраняет тождественность «я», сопряжённую с многообразием в контексте чувственной и рациональной человеческой изменчивости. Отсюда, идентичность предстаёт единством духовно неповторимого внутреннего «кто» с очевидным «я».

Возникая в существовании независимо от воли самого «кто», идентичность обнаруживает человеческое содержание как творчески созидательное самораскрытие себя, духовное самовыстраивание, творчески порождающую и потенциально творческую сущностную направленность в человеке. Тем самым, отличает «кто» от только экзистирующей самости, между которой пропасть «от идентичности продерживающегося в многосложности переживаний Я» [3, с. 82].

Идентичность появляется тогда, подчёркивал М. Хайдеггер, когда благодаря экзистенциально неосознанной способности «Я» к бытию, происходит схватывание очевидности истины бытия. В этом настраивании на волну правдивости бытия планируются отношения человека с миром, связи с другими людьми, последующие мотивации действий и коммуникации, скрытые коды различных видов деятельности и потенциал художественного творчества. Потому идентичность «я», превращающегося в процессе мысленного самовопрошания в «кто» – своеобразный творческий проект самого себя, исходящий из истины бытия, который содержит доверительное, правдивое, искреннее отношение к бытию и подходы налаживания духовной связи человека с бытием.

Экзистенциально предопределённая, идентичность онтологически расположена, она и сама располагает пространственностью. Ибо, по мысли М. Хайдеггера, человек всегда определяет самого себя в измерении своего бытия в данный момент времени в данном месте «Я тут» («здесь-бытие подчёркнуто обращается к себе «я – здесь»») [5, с. 523]. Уходя от себя внутрь собственного обозримого пространства, человек существует «я там». Синтезируя оба плана, идентичность даёт понимание себя в приближении – из глубины самого себя, в пределах своего внутреннего мира, самый близкий себе – только сам человек.

Одновременно, идентичность помогает, исходя из себя, реагировать на других людей как со-здесьбытие, которые встречаются на жизненном пути. Несомненно, человек наделён идентичностью, возникающей в человеческом существовании как события и соприсутствии [2, с. 72]. Воспринимать другого

человека подобным себе, таким же человеком, со своей внутренней неповторимостью, как сию минуту, здесь сосуществующего рядом. При этом, как указывал М. Хайдеггер, возникает ложное представление, будто идентичность «я» не предполагает изначальную экзистенциальную связь с другими людьми, экзистенциальную сопряжённость с посторонними самому себе иными здесь бытующими, вписанность существования «я» в социальные отношения. Хотя также не отрицается и возможность самому в себе существующему быть рядом с другими существующими людьми. Потому идентичность «я» существует как часть бытия, в которой свободно экзистируют другие существующие в этом мире. Другие люди и раскрываются для «я» на основании наличия в пространстве самотождественности плана сосуществования с другими. Экзистенциальным своеобразием структуры человеческой идентичности изначальным является именно допущение направленности на взаимодействие с другими людьми («здесь-бытие сущностно есть событие») [5, с. 524]. Самотождественность становится главным критерием признания человеком существования других на основании закона тождества («Я наличествую не один, ... есть и другие, мне подобные»).

Со-бытие, как встроенная в каркас идентичности составная, константная для «я», определяет существование человека даже при физическом отсутствии других. Даже тогда, утверждал М. Хайдеггер, предчувствие другого не покидает «я». Следовательно, экзистенциальная диалектика идентичности состоит в том, что со-бытие присутствует в индивиду независимо от наличия других людей, но предположительные другие сущностно конституируют «я». И если бы структура события не коренилась внутри «я», отношение к другим определялось бы всегда исключительно ситуативно. Ибо, обладая неповторностью бытия, человек существует постольку, поскольку определяется структурой события как рядом существующего бытия встречающихся в своём существовании в мире других.

Со-бытийная наполненность идентичности открывает возможность экзистирующему «кто» быть не посторонним в отношении мира, всего сущего и других «кто» в нём, но вписаться в мир путём сопричастности и соучастия («события и со-здесьбытия») в них. Идентичное единство «я» и «кто» человека предрасполагает понимать других людей. Из внутреннего опыта существования человек соизмеряет иное существо, соседствующее здесь-бытие («со-здесь бытие других») своим «кто». Понимание другого, прежде всего, экзистенциально: не как вещественно завершённой данности, не как предмета («человековещь»). А как живого, существующего в некоей жизнедеятельности («за работой в бытии в мире») с учётом неповторности и неотразимости духовного «кто» другого.

Даже если на первый взгляд жизненная активность другого и его отношения с бытием неразличимы для нас, он всё равно принимается подобным нам, рядом существующим в своём «создесбытии», подчёркивал М. Хайдеггер. Возможно, другой покажется таким не просвещённым духом, незаражённым душевной заботой о сущем, пребывающим в безразличии ко всем и всему, человеком без «кто», но и он должен быть воспринят как возможный в своём существовании субъект со-бытия – «неозабоченное, неосматривающееся пребывание при всём и не при чём», ибо он – «другой встречается в своём создесбытии в мире» [5, с. 524-525]. И в этом – его идентичность, изменить ничего невозможно, следует только принять. Ведь идентичность как бытие в себе бесцельна, не является изначально человеческой целью, которая может быть достигнута или сознательно создана. Хотя мы прилагаем усилия к её осознанию.

Экзистенциально идентичность не целерациональна, ни к чему не ведёт, не преднамеренна. Напротив, естественна и непосредственна, не практична и не отчуждена целью, не преодолеваема и не расчётлива, не планируема, не технична и не инструментальна, поскольку близка «я», выходя из его собственной сути. Соответственно, идентификация – не искусственна, а экзистенциально природна, она – неотчуждённое живое становление и рост человеческого существа. В сущности, идентичность – независимое сущее человека, существующее сама по себе и ради себя, не для чего-либо иного, не используемая для постороннего ей. Напротив, собирающая в себе всё, что происходит и существует в жизни человека, она центрирует на себе живое пространство человека, отражает на себе всё содержание жизни и деятельности «кто». А отражая, вбирает в себя, становится содержанием человеческого существа. Идентичность «кто» становится самодостаточностью человека, идущей из его сущностно-содержательной экзистенциальной неповторности, что отражает все особенности жизнедеятельности, мыслей и переживаний, действий и высказываний. Она незримо, как внутренний стержень или духовная тропа, проходит сквозь человека, идя из себя самой к себе самой, давая содержать себя по-своему. Притом она не только сама по себе вьётся, но и направляет человека своей собственной тропой, считал М. Хайдеггер.

И в этой точке хайдеггеровский дискурс вопрошающего бытие экзистирующего «кто» плавно перетекает в философию взывающей к человеку просёлочной дороги, что возвращая тишиной к тому же самому, поворачивает к истокам бытия. Здесь человеческая идентичность и просёлок совпадают в одно неразрывное целое: «кто» встраивается в истинность вечного возвышенного самотождественного бытия, ибо простота вечного того же самого «путешествия» втягивает в себя. «Простота несложного сберегает внутри себя в ее истине загадку всего великого и непреходящего. Незванная, простота вдруг

входит в людей и, однако, нуждается в том, чтобы вызреть и цвести долго. В неприметности постоянно одного и того же простота таит свое благословение. А широта всего, что выросло и вызрело в своем пребывании возле дороги, подает мир», - писал М. Хайдеггер, - «если человек не подчинился ладу зова, исходящего от дороги, он напрасно тщится наладить порядок на земном шаре, планомерно рассчитывая его. Велика опасность, что в наши дни люди глухи к речам проселка. Шум и грохот аппаратов полонили их слух, и они едва ли не признают его гласом божьим. Так человек рассеивается и лишается путей ... Извечно то же самое настораживает и погружает в покой. Утешительный зов проселочной дороги отчетливо внятен. Говорит ли то душа? Или мир? Или Бог? И все говорит об отказе, что вводит в одно и то же. Отказ не отнимает. Отказ одаривает. Одаривает неисчерпаемой силой простоты. Проникновенный зов поселяет в длинной цепи истока» [4, с. 2].

В логическом выстраивании символики проселочного пути М. Хайдеггера спрятана глубокая онтологическая бытийствующая связь окольной дороги с человеческой идентичностью. Сама ситуация дороги повседневной, рабочей или прогулочной парковой, идущей по бездорожью этапной или сумрачной кладбищенской – получает значение возможного в человеческой жизни обстоятельства идентификации. В дороге человек соизмеряет своё бытие и приходит к себе, возвращается в своё, осмысливает своё прошлое и настоящее существование. И параллельный реальному, осуществляемый духовно путь к себе через воспоминания о родном и близком, об истоках и о далёком прошлом, внутренне созидает человека. Потому проселочная дорога – не только хайдеггеровская метафора бытия, но в подтексте – и образ долгого, запутанного и ускользающего, отклоняющегося перифериями своей души, но неизменно возвращающего к самому себе духовного пути человека. Ведь подобно просёлку, идентичность «безмолвно носит с собою» при всей пространственной изменчивости человеческого бытия, гармоничность звучания всего целого человеческого существования. В итоге становится неким сущностным содержательным концентратом человека, гармонией звучания «я» и «кто», структурной дополнимостью здесь-бытия и со-здесьбытия. Выросшая, ставшая сама собой, появившаяся без усилий человека, не по его воле, цели или заданию, а сама по себе, идентичность – середина пространства человеческого существования, пространства его деятельности. Отличающаяся внутренней целостностью, она замкнута на самой себе, а замкнутая, она – дорога человека к самому себе [6, с. 21]. Возвращение к себе, к своему, в своё, в то же самое, возвращение к своему тождеству, в самотождественность. Хотя в этом возвращении к тому же самому, в самотождественность просматриваются также и черты онтологической

предопределённости, что сообщает идентичности долю заданности свыше, ноту судьбоносности .

Тут тема идентичности как дороги к себе, вплетённой в вечную простоту то же самого бытия соединяется с темой возвращения, унаследованной М. Хайдеггером из философии Ф. Ницше. Но в хайдеггеровском прочтении это – взаимообусловленность экзистенции с идентичностью, что предстаёт вечным возвращением человека в своём существовании в одно и то же, отказом от чего-либо противного сущему, со вхождением в то же самое своё, в извечно одно и то же самобытие. Потому тема возвращения у М. Хайдеггера звучит как возвращение экзистирующего сущего в свою самотождественность. Тогда, как у Ф. Ницше, по словам самого же М. Хайдеггера, это – тема вечности сущего, дионисийской циклической неистребимости круговращения жизни и смерти в природе в её внутренней скрытости, таинственности и непостижимости [6, с. 22].

Как постоянное возвращение к себе, писал М. Хайдеггер, идентичность предотвращает уход, свидетельствуя в пользу неистребимости жизни, существования. Наверное благодаря этому, «здесь-бытие М. Хайдеггера и его собственная интерпретация как раз не имеют вовсе трагического характера, что экзистенция вовсе не в фактической смерти имеет своё неизбежное увенчание...», отмечал Я. Поточка. [2, с. 281]. Хайдеггеровское понимание экзистенции заставляет серьёзно задуматься об идентичности вопреки смерти. Об идентичности, что после смерти возможна как возвращение после ухода? Всё существующее - конечно, люди – смертны, считал М. Хайдеггер. Однако становится ли физическая смерть концом идентичности? Возможно ли избавление от идентичности в смерти? Отрицая смерть как сущее, нельзя не признать её присущей бытию, замечал М. Хайдеггер. В её неизбежности скрыта тайна бытия: в непостижимом безмолвии – хранилище Ничто и недра бытия одновременно. Как всякое живое существо, человек смертен. Но здесь-бытие человека, его экзистенция, не имеет, по мнению философа, трагической окрашенности. Ибо не в фактической смерти конец экзистенции, если отнестись к смерти как хранилище в Ничто тайны бытия. «Смерть – это хранилище Ничто, а именно того самого, что ни в каком взгляде на него не бывает просто сущим, но что тем не менее бытийствует, и даже как тайна самого бытия. Будучи хранилищем Ничто, смерть утаивает в своих недрах бытийственность бытия. Хранилище Ничто. Смерть –это таящие недра бытия» [6, с. 9]. Если так, то совпадает ли конец физического существования со смертью идентичности? М. Хайдеггер трактует смерть – уход – исход скорее изменой самому себе, изменой своему, утратой того же самого, самотождественности бытия, а значит деидентификацией с распадом «я» [6, с. 22].

Однако что же тогда продолжает будоражить в художественных произведениях, исторических хрониках и научных трактатах, в памяти последователей великих учителей? Быть может, «чья»-то, «кому»-то принадлежавшая идентичность? А что, если неуничтожимая распадом телесной человеческой целостности, идентичность «кто» продолжает существовать за чертой физической смерти, тайно излучая в бытии неповторимую духовную ауру ушедшего человека? Не это ли всякий раз возвращающееся духовное существование великих гениев прошлого продолжает бытие в мысли последующих поколений, в произносимом многие века и тысячелетия спустя пророческом слове, где неистребима истина бытия?

Литература:

1. Камю А. Бунтующий человек [Текст] / А. Камю. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 415 с.
2. Бимель В. Мартин Хайдеггер [Текст] / В. Бимель. – Урал LTD, 1998. – 285 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>. – Загол. з экрану.
4. Хайдеггер М. Просёлок [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.dnipro.net/koi/HEIDEGGER/bypath.txt>. – Загол. з экрану.
5. Михайлов А.В. О значении и переводе слова Dasein [Текст] // Хайдеггер М. Исток художественного творения / А.В. Михайлов. – М.: Академический проект, 2009. – С. 520-525.
6. Михайлов А.В. От переводчика читателям. С эпиграфами ко всей книге. Философия просёлка. Хайдеггер и Ницше [Текст] // Хайдеггер М. Исток художественного творения / А.В. Михайлов. – М.: Академический проект, 2009. – С. 5-75.